

Вырезка из газеты

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

15 МАЯ 1979

Гастроли

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

с Рязанским областным театром юного зрителя дает возможность говорить о типичном детском театре

Характерна репертуарная афиша Рязанского областного театра юного зрителя — недавнего гостя столицы. В ней есть русская классика — «Ревизор» Гоголя, советская классика — «Клоп» Маяковского и «Поднятая целина» Шолохова. Давние драмы в разумных пропорциях соседствуют с современной пьесой — «В списках не значился» Б. Васильева обращена к ребятам старшего школьного возраста и молодежи, пьеса Я. Длуголенского «А» и «Б» адресована подросткам. Интересы старшего подростка тоже не ущемлены — «Собака Баскервилей» по А. Конан-Дойлю отвечает на извечную потребность юной души в приключениях и тайнах. Наконец, две сказки для малышей — «Золушка» Е. Шварца и «Сказка о гонимом круге» дагестанского писателя Абу-Бакра собирали переполненные залы. Перед нами типичная афиша типичного детского театра.

Почти все спектакли (за исключением «Собаки Баскервилей», поставленной В. Гурьевым) принадлежат одному режиссеру — Сергею Кузьмину, который вот уже несколько лет уверенно возглавляет театр из Рязани. В ряде своих лучших спектаклей главный режиссер отчетливо и броско заявляет о приверженности к определенной театральной стилистике, основанной на понимании праздничного характера сценического зрелища. Там, где этой праздничности, цирку и фейерверку негде развернуться, постановщик чувствует себя неуютно, не знает, что ему делать с актерами и с пьесой. Тут он может впасть

в чистую патетику, не подкрепленную живой человеческой биографией, как это и происходит в спектакле «В списках не значился», хотя и исполнитель центральной роли В. Диканский, и целый ряд иных актеров обладают незаурядными сценическими данными. Но там, где режиссер находит возможность свои излюбленные идеи применить, спектакли становятся острыми, нестандартными.

В этом плане интерес представляют три работы С. Кузьмина — «Ревизор», «Клоп» и «Золушка». Они объединены очевидным желанием поставить яркое, радостное, не скучное зрелище — радостное даже тогда, когда речь идет о гоголевских чиновниках или о приспособившихся мещанах в пьесе Маяковского. Лицедеи-актеры не прячутся за героями, их смеющиеся лица все время показываются из-под маски, подмигивают зрительному залу, вступая в разговор со зрителем против персонажей.

«Клоп» идет под гомерический хохот зрителей. Взрывчатая сила великой сатиры освобождена предельно. Контрасты пьесы, в которой бывший пролетарий Присыпкин становится Пьером Скрипкинским и тянется к «изысканной жизни», эти контрасты, вызывавшие презрительный гнев поэта революции, рассмотрены режиссером с явным учетом исторической дистанции, отделяющей нас от 1929 года. Спектакль рязанцев пытается изобразить современных Присыпкиных, изменивших форму, но не суть. Режиссер работает на жи-

вых ассоциациях, и восторг понимания и узнавания гуляет по залу. Правда, уже здесь творцам зрелища не удается вести его, как задумано, и они отдаются во власть неконтролируемой эстрадной стихии, которую сами же пытаются пародировать. Неожиданный эффект зрелища состоит в том, что объект, подлежащий осмеянию, вызывает еще и восторг, а «клоп» иногда становится героем, вызывающим симпатии. Во втором очень сложном и трудном действии, которое у поэта происходит в далеком будущем (то есть в наши дни), С. Кузьмин язвительно и свежо прочитывает эту парадоксальную ситуацию.

В «Ревизоре» стремительность действия обернулась неудачей, неудачей огорчительной и, может быть, неясной самому театру, потому что спектакль был горячо принят школьниками, тот же восторг гулял по залу. Однако содержание этого восторга, его, если можно так сказать, качество было иным. Верный принципам «циркизации театра», С. Кузьмин и гоголевскую комедию подверг жесткой и последовательной обработке. Он насытил действие бесчисленными трюками, преувеличениями, клоунадой, доводя до логического конца любой намек: тут Осип хватал за грудки Хлестакова, Хлестаков в свою очередь падал на руки к Землянике, Бобчинского и Добчинского просто-напросто избивали... Грубый театр, не имеющий при этом высшей цели, правил пьесой. Ни на одну секунду нам не дали перевести дыхание, остановиться, подумать и что-то почув-

ствовать — хотя бы ту невероятную грусть, что содержится в неразгаданной пьесе. «Ревизор» развивал некоторые ростки, которые были замечены уже в «Клопе»: режиссер обладал сильными средствами выразительности, но не совсем ясно создавал, куда их направить.

Постановка «Золушки» Е. Шварца вопреки ожиданиям оказалась достаточно тихой и даже замедленной. Будто режиссер и актеры устали и решили отдохнуть в чудесной сказке. Может быть, и сама сказка, грустно философически рассказанная писателем, удержала бурный темперамент С. Кузьмина, заставила его соотнести средства и цель более точным образом, чем это происходило в иных работах. Тут пытаются слушать и слышать, тут в мигании волшебных фонариков, в ритмичном движении качелей, на которых сидят Принц

и Золушка (Г. Калинин и Е. Кирсанова) и ведут сказочно-прекрасные разговоры, возникает тихий театр. Возникает робко и осторожно новая стилистика: актеры начинают проходить школу простого слова, неброского чувства, всего того, что есть искусство психологического театра. Спектакль далек от совершенства, актеры находятся на той стадии мастерства, про которую молодой человек в той же «Золушке» скажет: «Я еще не волшебник, я только учусь у волшебника». Пожалуй, эти хорошие слова можно отнести ко всему коллективу детского театра из Рязани.

А. МИРОНОВ.